

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА СБЕРЕЖЕНИЯ: ОТ ПЕРВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДО А. СМИТА

И. В. Маратканова

В последнее время все чаще в экономической литературе стали уделять внимание сбережениям домашних хозяйств. Согласно данным Росстата домашние хозяйства России располагают не менее, чем 1/3 частью всех национальных инвестиций [15]. Наличие значительных объемов сбережений домашними хозяйствами России позволяет рассматривать их как один из важнейших внутренних источников инвестиций в национальную экономику [9].

Следовательно, вопросы сбережений домашних хозяйств России являются достаточно актуальными и вынуждают государство вновь обратить внимание на домашние хозяйства как потенциальных инвесторов. В этой связи необходимо прежде всего исследовать знания о сбережениях, накопленные мировой экономической наукой.

При рассмотрении в исторической ретроспективе мы наблюдаем, что категория «сбережения» относится к числу основных понятий экономической науки, а исследованием процессов сбережений и накопления денег занимались многие выдающиеся отечественные и зарубежные ученые. При этом одни аспекты теории заменялись другими, менялась постановка задач, проблемы сбережений то отодвигались, то выходили в центр внимания. Анализ теорий прошлого и настоящего времени показал, что исторически сложилось три этапа к исследованию категории «сбережения» и их роли в рыночной экономике: первый этап (от древневосточных мыслителей до А. Смита), второй (от А. Смита до Дж. М. Кейнса) и третий (от Дж. М. Кейнса до наших дней). В рамках данной статьи остановимся подробно на первом этапе.

Первые упоминания о накоплениях мы встречаем в письменных источниках древнего мира. Первоначально взгляды на накопления, проблемы их организации и эффективности не формировались в отдельную сферу знаний. Они были *вкраплены в нерасчлененное сознание, основой которого являлись сказания, легенды, мифы и верования*. Так, в древнеиндийской литературе (конец II – начало I тыс. до н. э.) накопление ни в коей мере не рассматривалось как самоцель, а использовалось для совершения жертвоприношений. По мнению индийцев, «зерно, масло, мясо жертвенных животных вместе с дымом костра поднимается к небесам и затем в виде дождя их живительные силы возвращаются от богов на землю. Часть собранного урожая считалось столь же необходимым принести в жертву богам, как и другую часть вновь бросить во вспаханную землю – без этих действий не будет урожая и не произойдет всеобщего и неизменного кругооборота материи» [19].

Мыслитель Древнего Китая Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551–479 до н. э.) в сборнике «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), записанном его учениками, создал учение о благородном муже. Конфуций считал, что «такой человек гуманен и обладает чувством долга; его гуманность проявляется в скромности, справедливости, сдержанности; благородный муж знает только долг, а низкий человек – только выгоду» [18]. Он не порицал стремление к накоплению богатств, но считал, что достигать его надо не в ущерб иерархическому принципу знатности в соответствии с моральными принципами.

Другой крупнейший представитель конфуцианской идеологии Сюнь-цзы (ок. 313–238 до н. э.) отталкивался от «злой природы» человека. Он утверждал, что «ныне человек рождается с инстинктивным желанием наживы; когда он следует этому желанию, то появляется желание оспаривать и грабить, и исчезает желание уступать» [16]. Он не осуждал стремление людей к накоплению богатств «...если бедный, действуя в рамках закона, становится богатым, он считал это признаком добродетели» [16]. Древнекитайский философ утверждал, что государственная экономическая политика должна базироваться на принципах: сдержанности в расходах, обеспечении достатка народу и необходимости сохранять излишки. По мнению мыслителя, каждый общественный слой должен потреблять не больше, чем положено ему по рангу. Именно такая система должна привести к появлению излишков. Сюнь-цзы советовал их «накапливать и хранить» [16].

Любопытные высказывания относительно интересующей нас темы затронули древнегреческие мыслители античного периода Демокрит (ок. 460–370 до н. э.) и Сократ (469–399 до н. э.). Так, Демокрит утверждал, что во всем должно быть равенство, при этом защищал частную собственность, осуждая лишь излишества в ее накоплении. Он выступал против неограниченного накопления денег, ибо «жажда к деньгам не находит предела в своем удовлетворении», дурные прибыли «приносят потери чести», а «переносить бедность с достоинством – признак здравомыслия» [2]. Демокрит пытался укрепить социальную базу рабовладельческого режима среди населения о добродетелях бедности и иллюзорности и ненадежности богатства «бедняки должны довольствоваться малым, не завидовать богачам, мириться с частной собственностью, богачам же предписывалась лишь умеренность» [2].

Сократ же считал, что для «приобретения богатства нужны энергия, настойчивость, благочестие, а для его сохранения – воздержанность» [19]. Он утверждал, что «человек должен уметь пользоваться богатством и обходиться без него, ибо оно относительно, и тот богат, кто доволен немногим» [19]. Ученый осуждал стремление к наживе, народные массы успокаивал и призывал довольствоваться немногим, а богачам рекомендовал умеренности в потреблении.

Большой интерес представляет историческая эволюция взглядов на сбережения и накопления греческих мыслителей Ксенофонта, Платона и Аристотеля.

Известный мыслитель, ученик Сократа – Ксенофонт Афинский (ок. 430–355 до н. э.) в своем трактате «Домострой» утверждал, что дело хорошего хозяина – не только хорошо управлять хозяйством, но и еще на излишки обогащать хозяйство. Ксенофонт пишет: «... деньги ничего не значат, если не умеешь пользоваться ими» [8]; «... человек, у которого остается излишек от немного, еще легче может сделать так, чтобы оставался большой излишек от много» [8], «... если не умеешь пользоваться деньгами, надо отложить их подальше» [8]. Ксенофонт в «Домострое» призывал к бережливости, давал советы по ведению домашнего хозяйства.

Ксенофонт в сочинении «Лакедемонское государство» одобряет запреты, связанные с обогащением. Он поддерживал введение такой монеты, которую без ведома домочадцев и без снаряжения целой повозки нельзя было бы внести в дом, т. к. потребовалось бы много места. Ксенофонт отмечал: «золото и серебро в Спарте разыскивают, и если где-то обнаруживают, имеющих их подвергают штрафу. Стоит ли стремиться к обогащению там, где приобретение доставляет больше печали, нежели пользование – радости?» [7].

В труде «Воспитание Кира» осуждался Ксенофонтом тот, кто «приобрел богатства больше, чем достаточно, а затем зарывал его в землю, караулил. Излишки следовало использовать для помощи другим, приобретения друзей, безопасности, славы» [6]. «Денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался» [10] – писал Ксенофонт.

Греческий философ Платон (427–347 до н. э.), в отличие от Ксенофонта, отрицательно относился к функции денег как к средству образования сокровищ, к средству накопления. Он считал необходимым искоренить «неблагородную страсть к наживе» [12]. По мнению ученого, справедливость и стремление к наживе – несовместимые явления: «стать же очень богатым, оставаясь добродетелями, невозможно ...» [12] – утверждал он. Платон в «Законах» говорил: «...в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесел и ростовщичества...» [12]. Тех людей, которые из всего выжимают прибыль, выковыывают сокровище, он называл «грязными». Мыслитель крайне негативно относился к торгово-ростовщическому капиталу, был противником продажи товаров в кредит, к ссудам под проценты. В «Государстве» он писал: «...взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих» [12].

Наибольший вклад в развитие изучаемой проблемы внес величайший мыслитель античности Аристотель (384–322 до н. э.). В своих трудах «Политика», «Никомахова этика» Аристотель все виды хозяйства рассматривает с точки зрения приобретения богатства. Накопление средств, «необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины» [1], он охарактеризовал как естественную деятельность и назвал «экономикой». Аристотель одобрительно относился к такому виду хозяйствования и называл это «истинным богатством». Деятельность, направленная на накопление богатства и извлечения прибыли, особенно в форме денег, он назвал хрематистикой (термин произошел от греческого слова «*chrema*» – владение)

и характеризует ее как противоестественную. Аристотель в «Политике» писал, «все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить количество денег до бесконечности; ... если люди не в состоянии достигнуть своей цели ..., то они стремятся к ней иными путями и для этого пускают в ход все свои способности вопреки даже голосу природы» [1].

Особое возмущение у Аристотеля вызвал процент, который рассматривался как самая противоестественная форма дохода. Мыслитель утверждал, что процент – это прибыль, которую присваивает себе ростовщик. Аристотель писал: «вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» [1]. Ниже он писал, «как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшие от денежных же знаков» [1]. Кроме того, Аристотель был первым, кто отметил связь денег и сбережений и трактовал сбережения «как излишек денег, оставшиеся после оплаты расходов на потребление» [1].

В период средневековья изучаемая нами проблема рассматривалась и развивалась авторами того времени *в рамках христианского мировоззрения*. В этот период господствовало мнение, согласно которому обладать богатством – порочно и мешает истинной вере. Христос в Евангелии от Луки говорит: «...взаимы давайте, не ожидая ничего ...» [11]. «Удобнее верблюду пройти сквозь угольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное» [11], «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» [11] – говорится в Евангелии от Матфея.

Виднейший представитель восточного христианства – Иоанн Златоуст (347–407 гг.), восстает против мирского пафоса стяжания, накопления, пафоса хранения вещественных благ, так как это противоречит евангельской заповеди: раздай нищим.... В своих трудах, а святой оставил большое литературное наследие, рассуждал о богатстве, как о соблазне. «Любовь к богатству есть неестественная страсть, утверждал Златоуст, – желание богатства ни естественно, ни необходимо, но излишне» [17]. «Богатство вредно не только потому, что оно вооружает против стяжавших разбойников, помрачает ум, но еще более потому, что делает их своими пленниками, удаляет от служения Богу» [17] – говорил богослов. Златоуст указывал, что «всякая сбереженная вещь отнята у нуждающегося, – ибо не может быть один богат без того, чтобы другой не был от этого бедным» [17].

Негативное отношение к проценту за ссуду проявилось и в законах Карла Великого (768–814 гг.). В законах говорилось о том, что ни светские, ни духовные христиане не должны давать что бы то ни было и требовать за это процент. По мысли законодателя, «предоставление займа только тогда является справедливым делом, когда при его возврате не требуют проценты; «позорная выгода» (ростовщичество) имеет место, когда происходит накопление благ путем мошеннических махинаций» [19]. Особенно осуждался тот, кто скупал зерно в тяжелые времена, а затем выгодно продавал с нормой процента в сто и более.

Христианскими религиозными мыслителями средневековья стремление к накопительству трактовалось как небогоугодное устройство. Вот что говорит преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022 гг.) в Девятом «Огласительном слове»: «Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования ... Одно из этих преступлений – немилосердие, другое – надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги ...виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать» [4].

Видный византийский богослов Николай Кавасила (1320–1371 гг.) в своем трактате «Слово против ростовщиков» рассматривает один из путей накопления денежного богатства – ростовщичество. Автором осуждается накопление денег через процент с этической точки зрения: «не дай под процент брату своему» [13]. Николай Кавасила подчеркивает, что главное зло ростовщичества – порождение несчастий «ныне же плодом процентов являются стон

и скрежет зубов» [13] и бедности «это не устраняет бедность» [13]. На его страницах постоянно встречаются сравнения кредитора с грабителем, святотатцем, убийцей, взломщиком. Он сравнивает ростовщичество с «милосердием» людоеда: «...он вкусно и сытно кормит человека, чтобы (потом) его, разжиревшего сожрать» [13].

Николай Кавасила считает, что взимание процента, так же как грабеж, не может быть названо профессией, «делом», так как в основе этих видов деятельности не лежит труд: «процента никто не приобретает трудом», «... не следует получать доход тем, кто никак не трудится» [13]. Доход ростовщика по Кавасиле сродни грабежу не только потому, что не основан на труде, но и как прямое присвоение чужой собственности: «И если ты берешь больше, чем даешь, ты обвиняешься как присваивающий чужое» [13]. Автор обращает свой взор к законодательству тех стран, которые запрещали ростовщичество: «Мызираем ...на государствах всех веков, хорошо устроенные, в которых нигде не было процента» [13].

Завершая рассмотрение взглядов мыслителей средневековья на сбережения и накопления денег, хотелось бы остановиться еще на выдающемся богослове и философе того времени – Фоме Аквинском (1225/1226–1274 гг.) (Аквинат). Мыслитель, как и другие церковные авторы того периода, рассматривал сбережения в контексте важнейших религиозно-этических проблем.

Религиозный мыслитель в своем труде «Богословская сумма» (*Summa theologiae*) не рассматривал богатство как зло, а указывал на то, что это является вспомогательным орудием для содержания семьи и помощи нуждающимся. Аквинат, осуждал то богатство, которое было вызвано страстью к наживе. Он один из первых в схоластике, кто указал на пользу ростовщичества. По мнению мыслителя, мирские законы разрешают брать проценты, т. к. это положительно сказывается на общественной пользе. В «Сумме теологии» автор причислял к дозволенным сделкам банковские операции с драгоценностями и хранение денег. Таким образом, Фома Аквинский подверг переосмыслению мыслителей этой эпохи, направленное против накопления денег.

Следующий этап развития теории сбережений представлен в работах меркантилистов (XVI–XVII вв.). Меркантилизм возник на базе обобщения опыта первоначального накопления капитала. Ранний меркантилизм сосредоточил свое внимание на накоплении драгоценных металлов в стране, которое воспринималось его представителями как обогащение нации. Деньги, по мнению меркантилистов, являлись абсолютным богатством, всеобщим эквивалентом материального богатства, способным идеально выполнять функцию сбережения. Для процветания нации страна должна иметь большие запасы драгоценных металлов, поэтому главной задачей ранние меркантилисты считали обеспечение активного денежного баланса. Ф. Энгельс писал: «в эту пору... люди еще жили наивным представлением, что богатство заключается якобы в золоте и серебре, ...нужно только поскорее запретить вывоз благородных металлов, а нации стояли друг против друга, как скряги, обхватив обеими руками дорогой им мешок золота ...» [19].

Томас Мен (1571–1641 гг.) один из основателей меркантилизма в работе «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» заявлял, что «...только тот человек процветает и богатеет, который, имея больший или меньший доход, соответственно соразмеряет свои расходы; он может в таком случае ежегодно производить сбережения для своего потомства... Поэтому трудолюбие, которое увеличивает богатство, и бережливость, которая его сохраняет, являются поистине верными стражами богатства государства» [19]. Этими словами мыслитель подчеркивает роль государства в создании условий для наличия и сохранения сбережений гражданами.

Вопросы сбережений затронули и английские меркантилисты Дж. Чайлд и Гр. Кинг. Так, Дж. Чайлд (1630–1699 гг.) помимо констатации индивидуальной и общественной пользы активного торгового баланса обратился к взаимосвязи объема экспорта страны с другими экономическими показателями. Он указывал, что увеличение экспорта ведет к росту предпринимательской прибыли и земельной ренты, концентрации этих доходов, которые являются причиной «образования текущих сбережений и накопления состояний». Дж. Чайлд проанализировал влияние увеличения денежной массы в стране на рост сбережений и снижение процентных ставок, что ведет к подъему экономики.

Грэгори Кинг (1650–1710 гг.) предпринял попытку математической формализации взаимосвязи «доход – сбережение – состояние». На основании официальных данных о доходах и расходах казны и о движении населения, приходских книг мыслитель пытался определить имущественное положение населения Англии. Г. Кинг составлял таблицы, в которых содержались данные о количестве семей и об их социальном положении, о главе семьи, о накоп-

ленном состоянии, о годовых доходах и расходах на одного члена семьи, о приросте сбережений за год. Исследователь представлял данные о среднем доходе семьи по двадцати шести уровням, от «нищих» до «аристократов». Кроме того, в зависимости от отношения людей к сбережениям, он выделял две группы населения: семьи, которые сберегают денежные средства, и семьи, которые «разбазаривают» денежные средства. Ученый пришел к выводу, что более высокий уровень накопленного состояния действовал на сбережения понижающе.

Представители позднего меркантилизма искали источники обогащения нации не в примитивном накоплении сокровищ, а в развитии внешней торговли. Они выдвинули теорию «торгового баланса», более зрелую и соответствующую новым условиям мировой торговли. Как отмечал Ф. Энгельс, «...капитал, неподвижно лежащий в сундуке, мертв, тогда как в обращении он постоянно возрастает» [10].

Товарно-металлистической концепции, характерной для позднего меркантилизма, придерживался и русский мыслитель И. Т. Посошков (1562–1726 гг.). В своем сочинении, которое остается выдающимся и до настоящего времени, под заглавием «Книга о скудости и богатстве», сие есть изъяснение, от чего приключается скудность и от чего гобзовитое (изобильное) богатство умножается, он рассматривал зависимость между накоплением благ населения и богатством государства. И. Т. Посошков справедливо указывал, что нельзя считать богатым государство, если любыми средствами деньги собираются в казну, необходимо чтобы народ его был богатым, «... в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слить богатому» [14].

В своем труде мыслитель рекомендует российскому императору печься о всенародном обогащении путем бережливости во всем и экономичного расходования материальных благ и денег «... даром и напрасно ничего не тратили..., жили бы повоздержаннее..., а во одеждах не весьма тщеславно, ... в скудость не приходили ...» [14]. В отличие от западноевропейских меркантилистов И. Т. Посошков не отождествлял богатство только в деньгах: золоте и серебре, а делал основной акцент на материальной составляющей богатства. Сохранение и приумножение денег в стране красной нитью проходит через всю книгу И. Т. Посошкова. Автор в своем произведении высказал замечательную экономическую идею «не то великое дело, чтобы царскую сокровищницу наполнить богатством» [14]. «Но то великое и многотрудное есть дело, чтобы народ весь обогатить!» [14] – здесь явно виден рецепт государственной организации сберегательного процесса, который годен и в наше время.

Таким образом, меркантилисты считали, что *главным источником богатства являются деньги, а сбережения выступают средством накопления денег*. В данном случае сбережения выступают как результат экономии средств, а бережливость рассматривается как залог богатства. Основные функции сбережений, по мнению меркантилистов, – накопление и сохранение богатства. При этом сбережения как источник увеличения богатства не рассматриваются.

В досмитовский период вошли исследования Б. Мандевиля, Р. Кантильона, Ф. Кенэ, которые изучали влияние сбережений на макроэкономические факторы развития экономики, процессы обмена и устойчивости обращения денег. В этот период был впервые выделен психолого-поведенческий аспект анализа содержания категории сбережения.

Анализ эволюции взглядов на сбережения показал, что категория «сбережения» имеет достаточно длительную историю становления. Мыслители различных эпох экономической мысли вкладывали свой смысл в трактовку данного понятия, который напрямую связан с изменением общественного строя. Так, *древневосточные мыслители* сбережения рассматривали с позиций высоконравственного поведения; *мыслители античного периода* сберегательные проблемы исследовали через призму натурально-хозяйственных и денежных отношений; *мыслители средневековья* – в контексте важнейших религиозно-этических проблем; у *мыслителей меркантилизма* мы наблюдаем первые основательные сдвиги от понимания функций сбережений к трактовке сути сбережений и их влияния на макроэкономические факторы развития экономики.

Таким образом, XVII в. сосредоточил внимание на прагматической проблеме раскрытия многообразных факторов новообразований сбережений и роста состояний, достигнув в этом современных высот, включая использование методов многофакторного анализа и моделирования сберегательного процесса.

Литература

1. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель ; пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. – Москва : Изд-во АСТ, 2016. – 507 с.
2. Жебелев, С. А. Античный способ производства в источниках [Текст] / С. А. Жебелев, С. И. Ковалев. – Ленинград : ГАИМК, 1933. – 596 с.
3. История экономической мысли России в лицах [Текст] : словарь-справочник / под ред. Н. Н. Думной и О. В. Карамовой. – Москва : КНОРУС, 2007. – 416 с.
4. Кара-Мурза, С. Г. Светлый миф о частной собственности [Текст] / С. Г. Кара-Мурза // Дуэль. – 2003. – № 41(338).
5. Кашин, Ю. И. Научные труды [Текст] : сб. в 3 т. Т. 2. Сбережения. Сберегательный процесс / Ю.И. Кашин. – Москва : МБИ, 2003. – 608 с.
6. Ксенофонт. Киропедия / Ксенофонт ; пер. с древнегреч. С. Л. Утченко. – Москва : Наука, 1976. – 347 с.
7. Ксенофонт. Лакедемонская полития [Текст] / Ксенофонт ; пер. с древнегреч. А. Г. Печатновой. – Санкт-Петербург : Гуманит. акад., 2014. – 224 с.
8. Ксенофонт. Сократические сочинения [Текст] / Ксенофонт ; пер. с древнегреч. С. И. Соболевского. – Санкт-Петербург : Комплект, 1993. – 416 с.
9. Маратканова, И. В. Сбережения домашних хозяйств как источник инвестиций: тенденции и перспективы [Текст] / И. В. Маратканова // Финансы и кредит. – 2016. – № 43. – С. 28–45.
10. Маркс, К. Сочинения [Текст]. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1959. – 770 с.
11. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа [Текст]. – Кемерово : Книж. изд-во, 1990. – 368 с.
12. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3, ч. 1 : пер. с древнегреч. / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Амуса. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2007. – 752 с.
13. Поляковская, М. А. Понимание социальных проблем византийскими авторами середины XIV в. [Текст] / М. А. Поляковская // Византийский временник. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – Т. 40.
14. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве [Текст] / И. Т. Посошков. – Москва : Наука, 2000. – 410 с.
15. Регионы России. Социально экономические показатели, 2015 [Текст] : стат. сб. / Росстат. – Москва, 2015. – 1266 с.
16. Феоктистов, В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы [Текст] / В. Ф. Феоктистов. – Москва : Наука, 1976. – 296 с.
17. Флоровский, Г. В. Восточные отцы IV века [Текст] / Г. В. Флоровский. – Москва : Паломник, 1992. – 262 с.
18. Хин-Шун, Я. Древнекитайская философия [Текст] : собр. текстов в двух томах. Т. 1 / Я. Хин-Шун. – Москва : Мысль, 1972. – 363 с.
19. Черковец, В. Н. Всемирная история экономической мысли [Текст] : в 6 т. Т. 1. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни / В. Н. Черковец. – Москва : Мысль, 1987. – 583 с.